

ценностные стереотипы, формирующие нравственный идеал, на который ориентировано повседневное и социальное поведение людей.

Библиография

Наумова О.Б. Казахская диаспора в России: этническое самосознание и миграционное поведение // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 60–73.

С.В. Дмитриев

«ЧУЖОЙ» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ XIX В.)

Проблема «свой-чужой» является одной из ключевых в философии, социологии, психологии, истории. Нередко она рассматривается и этнологами. Вместе с тем ряд исследователей нередко говорит о недостаточной теоретической разработанности самой этой темы, непродуманности методики ее изучения, круга относящихся к ней вопросов и приемов анализа источников. К этому можно также добавить и нередкую недостаточную фактологическую базу конкретного исследования взаимоотношений «свой-чужой» в том или ином регионе. В статье я рассматриваю два варианта таких взаимоотношений на примере отношения местного среднеазиатского населения к русским. С одной стороны, они достаточно универсальны, с другой — несомненно, имеют и некоторую специфику в Среднеазиатском регионе. Кроме того, в статье предлагается рассмотреть динамику этих отношений, т.е. изменение образа и статуса русского человека в процессе продвижения России в Азию в XIX в. При этом я не буду придерживаться хронологического принципа, а рассмотрю динамику типологически, как бы в обратнo-хронологическом порядке, так как для рассмотрения привлекается материал по народам, в разное время вступившим в тесное общение с русскими.

Культурологи и политологи, как правило, рассматривают образ «чужого» вкупе с образом «врага», который, без сомнения, является семантическим производным от первого, однако в этом случае тушует-

ся, а то и просто игнорируется, другое, более мягкое семантическое производное, а именно — «другой». Между тем развитие семантики этих образов в ту или иную сторону зависит прежде всего от конкретно-исторических обстоятельств. В нашем случае, имея в виду взаимоотношения русских с народами, населяющими Среднюю Азию, отношение к ним со стороны этого населения, по моему мнению, прошло несколько этапов.

Исторически в первоначальном варианте в этих отношениях отсутствовал образ «врага», так как для его формирования необходим конфликт интересов, которого до определенного времени не было, так как эти политические субъекты не имели общих границ, между ними лежали бескрайние степи и пустыни, населенные достаточно агрессивными для обеих сторон кочевниками. Несмотря на сложность передвижения по этим территориям, общение, нерегулярное в своей основе, поддерживалось торговыми караванами и достаточно редкими дипломатическими миссиями, что создавало оттенок равноправного общения. В этот период «чужой» более выражался в образе «другого».

Обстановка изменилась, когда Россия предприняла агрессивные шаги в сторону азиатских государств. В этот период как со стороны России, так и в особенности со стороны азиатских обществ по отношению к «чужим» — русским — на первый план выдвинулся образ «врага», для которого, как отмечают исследователи, нередко характерна демонизация оппонента. Эти враждебные образы мы и рассмотрим в прилагаемых ниже примерах.

Специфика новых отношений состояла в том, что местное население общалось в этом случае преимущественно с солдатами, и именно через этот образ во многом воспринимало русских вообще. Так, когда Россия в 1830-е гг. вела войну с Персией, согласно заметкам российского военного и дипломата, представителя при персидском дворе И.Ф. Бларамберга, курды, входившие в состав персидского войска, обнаружив убитых русских солдат, не рисковали к ним прикоснуться, прежде чем вымоют, т.е. намочат им руки водой, так как у них бытовало представление, будто у русского солдата в каждом пальце сидит патрон, который может выстрелить, что, вероятно, было связано с относительной быстротой стрельбы русских по сравнению с персидскими и курдскими стрелками (Бларамберг 1978: 153). Мифологизирован образ русского солдата, по сведениям И.Ф. Бларамберга, был и у афганцев, которые считали его самым храбрым в мире, полагая, что те во время походов едят камни, которые носят за спиной в мешке. По мнению И.Ф. Бларамберга, «эта легенда возникла, вероятно, на основе того факта, что русский солдат в походе, особенно в Азии, носит с собой ржаные сухари, твердые как камень, но чрезвычайно питательные» (Там же).

Когда началось продвижение российских войск в Среднюю Азию, в Чимкенте и Ташкенте распространились слухи, которые считались

тогда вполне достоверными, что русские вообще не похожи на обычных людей; что у них есть лишь по одному глазу, который помещается посредине лба; что у них есть хвосты, как у собак; что они необычно свирепы, кровожадны и употребляют в пищу человеческое мясо (Наливкин 1913: 62). Последнее утверждение было распространено чрезвычайно широко (Липский 1902: 114).

В Бухаре тогда же ходили слухи, что «у русских обыкновение, закон <...> отнимать чужих жен и красть детей» (Акрамов 1974: 39). Во время Кульджинского похода 1871 г. местное сартовское и китайское население считало, что русские будут их «мучить, ломать пальцы, резать уши, нос». В результате некоторые напуганные жители, стремясь этого избежать, решали разом покончить с собой. Анастасия Копцева, которая в этом походе была сестрой милосердия, в своих воспоминаниях описывает случаи самоубийств на этой почве женщин, перерезавших горла как себе, так и своим детям, дабы не попасть в руки русских солдат (Копцева 1873: 63).

После занятия русскими войсками Мерва среди персов были широко распространены слухи о том, что оттуда, согласно их обычаю, было вывезено в Россию восемь тысяч женщин. Как полагало местное население, это совершалось русскими во всех вновь покоренных городах; вывезенных женщин они поселяли в особых обособленно расположенных городах. Ежегодно туда не несколько суток вводились войска, и все родившиеся через год мальчики поступали в армию, а девочки оставались для увеличения населения этих городов (Стрельбицкий 1892: 160).

Фиксируемая нами демонизация образа агрессивного чужака в ходе российского завоевания азиатских территорий, объясняется тем, русские до того были плохо известны местному населению, появились относительно внезапно и сразу максимально агрессивно. В результате их появления в регионе резко разрушился давно сложившийся миропорядок. В этом устоявшемся мире русские в последующее время представлялись необычной силовой единицей, определявшей его дальнейшую судьбу.

Однако завоевание произошло, и с этим фактом местному населению необходимо было считаться. В результате более близкого общения и изменения ситуации фантастические представления о русских довольно быстро ушли, статус их как «врагов» заглушался, и произошла адаптация их в традиционные религиозно-социологические структуры, в которых они заняли свою определенную нишу. Сила русских и ее значение для стабильности региона, о которой мы упоминали выше, распространилась и в область сакрального порядка. В отношении этой модели восприятия русских как «чужих» мне более известен материал по кочевым народам, который я и приведу далее.

В степи, которая гораздо раньше вступила в тесные отношения с русскими, уже с давних пор широко бытовали представления, распро-

странявшиеся как на чужаков вообще, так и на русских в частности, об определенной сакральной их силе, нередко вредоносной, но часто и позитивной. Например, широко было распространено представление о том, что какой-либо продукт, например кумыс, мог быть испорчен, если сосуд с ним осквернил своим прикосновением чужой (Галданова 1992: 78). Но в то же время, по наблюдениям Саввы Большого, находившегося в плену у казахов в 1803–1804 гг., все русские считались хорошими лекарями. Кроме того, каждый из них, по представлениям казахов, был в состоянии «произвести самые сверхъестественные человеку деяния, как, например, учинить безвременно повсеместно стужу, теплый день сделать, возбудить страшную бурю, пролить дождь, навести и отвести громовую тучу и прочь» (Савва Большой 1822: 297). По материалам, изложенным Ч.Ч. Валихановым, волосы русского человека казахи употребляли как средство для изгнания болезни (Валиханов 1961: 486). Другой наблюдатель пишет, что у плененного русского офицера жена султана Кенисары, будучи беременной, также просила его волосы с головы, полагая их за сильный оберег в критические минуты, в частности разрешения от бремени, когда роженице могут навредить злые духи (У-р 1848: 212).

В казахской быличке говорится, что *пери* боятся русских и убегают от них. В том месте, где есть дух русского, *пери* не могут находиться. Именно поэтому казахские женщины, чтобы избавиться от *пери*, носят при себе волосы русских (Миропиев 1888: 42).

Не только волосы или другие предметы, связанные с русским, имеют чудодейственную силу, как не только русские считались такого рода целителями и охранителями. Отличным средством от ревматизма у казахов считалось также конское копыто, привязанное на больное место киргизом, также «чужим» по отношению к казахам (Валиханов 1961: 475) и т.д. Необходимо отметить, что теми же сакральными свойствами, по мнению обитателей степей, обладали также султаны, т.е. люди «белой кости», происходившие от Чингис-хана. Ч.Ч. Валиханов описывает случай, который произошел с ним во время его поездки на Иссык-Куль в 1856 г. Как он пишет, «киргизы обратились к нему, чтобы он, как человек белой кости, выгнал из одержимой джинов. Для этого он должен был бить плетью ее тело. Отказ это сделать был расценен как проявление жестокости, так как мог одним ударом это сделать, но не делал» (Валиханов 1961: 259–260). В данном случае можно отметить, что султан рассматривался не просто как «чужой», а как представитель царственного рода. Такой же силой, по преданиям народов Средней Азии и Казахстана, обладали потомки пророка Мухаммеда, другие представители овлядских групп, святые и их потомки и некоторые другие группы населения.

А.К. Вайбуриным были рассмотрены две типичные схемы в отношениях с «чужим» миром, имея в виду пространственный аспект. Согласно им, существуют два чуждых человеку мира. Один из них лежит

за пределами окультуренной территории, другой располагается в непосредственной близости к человеку. Общение с представителями этих двух миров сопряжено с определенной стратегией, характерной именно для того или другого случая (Байбурин 1993: 183–186). В повседневной жизни человек больше общается с представителями второго, чуждого ему мира. Как правило, это разного рода вредоносные духи. У казахов, как и у других народов региона, это *пери*, *албасты*, *дэвы* и т.д. Для борьбы с ними в обществе существовали особого рода специалисты, *баксы* (шаманы), муллы, другие люди, которые могли их видеть. Интересно, что для борьбы с ними, как мы видим из приводимого материала, привлекаются и «чужие» другого рода, а именно — происходящие из-за пределов окультуренной территории, т.е. русские. Все это свидетельствует о лабильности и подвижности представлений, связанных с чужым в традиционной культуре и их зависимости от конкретно-исторических условий.

Библиография

Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. Фрунзе, 1974.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Бларамберг И. Воспоминания. М., 1978.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. I.

Галданова Г.Р. Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX — первая половина XX в.). Новосибирск, 1992.

Копцева А. Походные записки сестры-милосердия о Кульджинском походе 1871 г. // Туркестанские ведомости. 1873. № 16.

Липский В.И. Горная Бухара: Результаты трех летних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 году. Спб., 1902. Ч. 1. Гиссарская экспедиция. 1896.

[*Мироппиев М.*] Демонологические рассказы киргизов, собранные и переведенные М. Мироппиевым. СПб., 1888.

Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

[*Савва Большой*]. Записки доктора Саввы Большого о приключениях его в плену у киргиз-кайсаков в 1803–1804 годах (с замечаниями о киргиз-кайсацкой степи) // Сын Отечества. Ч. 76. № 14.

Стрельбицкий. Краткий предварительный очерк поездки в Персию в 1891 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 51.

Ур, барон. Четыре месяца в Киргизской степи // Отечественные записки. 1848. Ч. III. № 9–10.